№ 22. 28 Мая 1894 г.

Годъ съ пересылкой и доставкой . . 7 р.
Шесть мѣс. съ перес. и достав. . . 4 »
Годъ безъ пересылки и доставки . . 6 » 50 к.

ВСѢ ОБЪЯВЛЕНІЯ для журнала „Шутъ", КРОМѢ ПЕТЕРБУРГСКИХЪ, принимаются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ Центральной Конторѣ Объявленій бывш. Л. Метцль въ Москвѣ, на Мясницкой ул., д. Спиридонова.

ШУТЪ

Цѣна отдѣльнаго номера 20 коп.

ИЗДАНІЯ ГОДЪ XVI. № 22.

Пріемъ объявленій по 25 коп. за мѣсто занимаемое строкою петита, въ одинъ столбецъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спасская ул., № 17.
Личныя объясненія съ редакторомъ по Понедѣльникамъ, отъ 1 до 2 часовъ.

Возвращеніе рукописей не обязательно.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ КАРИКАТУРЪ

СКРОМНЫЙ.

— Ну, что ты заслужилъ, анаѳема, твоимъ пакостнымъ поведеніемъ?
— Да я, мамочка, и не требую никакой награды.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „ШУТА“.

Шуты и дѣти часто говорятъ правду.
Шекспиръ.

Въ Европѣ скандалятъ.

Франція мѣняетъ министровъ, какъ носовые платки.

Министерства лопаются тамъ со скоростью нашихъ лѣтнихъ антрепризъ.

Австрія возится съ Векерле, сѣвшимъ въ лужу съ законопроектомъ гражданскаго брака.

Италія исподлобья поглядываетъ на Криспи.

Въ Сербіи чудитъ Миланъ Обреновичъ.

Наконецъ, въ Болгаріи принцъ Фердинандъ отставилъ Стамбулова!!!

По третьему пункту.

Какая черная неблагодарность!

Стамбуловъ для Кобургскаго былъ *все*.

Это альфа и омега Кобургіады.

Стамбуловъ сдѣлалъ его княземъ Болгарскимъ.

Стамбуловъ женилъ его на принцессѣ Пармской.

И по милости Стамбулова мамаша Клементина нянчитъ теперь внучка Бориса!

Только „начальникъ палочниковъ“ и могъ „добиться“ такихъ блестящихъ результатовъ.

И все во имя патріотизма!

Но принцъ Кобургскій возомнилъ себя императоромъ Германскимъ.

Тотъ отставилъ Бисмарка.

Этотъ отставилъ Стамбулова.

А потому въ Софіи идутъ теперь такія кровопролитныя стычки, какихъ не бывало даже въ бочаговскомъ „Тулонѣ“.

Стамбулову же, оставившись не у дѣлъ, остается или итти въ кондукторы конки, или поступать въ сотрудники „Гражданина“.

Такова болгарская „стамбулобумбія“.

***

Парижъ большой изобрѣтатель разныхъ „игрушекъ“.

Теперешняя игрушка—Тюрпенъ.

Тюрпенъ—это изобрѣтатель какой-то чересчуръ адской машины для военной обороны.

Онъ изобрѣлъ какую-то вращающуюся митральезу, способную въ пять минутъ уничтожить цѣлое войско Александра Македонскаго.

И вдругъ такое „полезное въ домашнемъ хозяйствѣ“ изобрѣтеніе не было принято французскимъ правительствомъ!

Куда было дѣваться Тюрпену?

Конечно, итти къ нѣмцамъ.

Некуда,—такъ къ нѣмцамъ.

Узнавъ объ этомъ инцидентѣ, Парижъ заволновался и о Тюрпенѣ стали теперь больше говорить, чѣмъ о китайскомъ императорѣ.

Всякому овощу свое время.

Съ разоблаченіями по этому поводу выступила захудалая газетка „Patrie“.

„Patrie“ органъ хуже даже „Русской Жизни“.

Издаетъ ее мосье Жалюзо.

Мосье Жалюзо лавочникъ — мануфактуристъ, владѣлецъ извѣстныхъ магазиновъ „Au printemps“.

Французскій Остолоповъ.

Разоблаченіями инцидента Тюрпена онъ попалъ въ цѣль: розничная продажа его газетки значительно повысилась.

А французы остались съ... инцидентомъ!..

***

Третейскіе суды.

Совершенно новый продуктъ нашего времени.

Сразу цѣлыхъ два третейскихъ суда:

Одинъ—г-жи Гуревичъ съ г. Модестовымъ.

Другой—г. Яблонскаго съ г. Суворинымъ.

Суть дѣла такова:

Г-жа Гуревичъ, взявъ для „Сѣвернаго Вѣстника“ статью г. Модестова, поступила съ ней по еврейскому обычаю:

То-есть—„обрѣзала“.

Г. Модестовъ написалъ „письмо“, которое обидѣло г-жу Гуревичъ.

Въ результатѣ—третейскій судъ.

Г. Яблонскій затѣялъ два года тому назадъ изданіе „Адресной книги“.

Лавры Мильтіада не давали покоя Ѳемистоклу.

Рубли г. Яблонскаго соблазнили г. Суворина.

И онъ тоже сдѣлался издателемъ „Адресной книги“.

Но, увы! Почтенный авторъ „Маленькихъ писемъ“ сдѣлалъ совсѣмъ не почтенный „маленькій плагіатъ“.

Въ результатѣ—второй третейскій судъ.

Рѣшенія „судей чести“ опубликованы.

Постановлено г-жѣ Гуревичъ расцѣловаться съ г. Модестовымъ, а г-ну Суворину выучить наизусть всю адресную книгу г. Яблонскаго.

Почтенный публицистъ, такимъ образомъ, принужденъ отложить на время свою полемику съ историкомъ г. Иловайскимъ.

Жаль.

Мы ждали отъ этой полемики чего-нибудь экстраординарнаго, въ родѣ историческаго „брысь!“.

И вдругъ—третейскій судъ!

Впрочемъ, еще Грибоѣдовъ спрашивалъ:

— А судьи кто?

Шутъ 2-й.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ.

«ЗООЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ».

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ СТРѢЛОКЪ
АЛЕКСАНДРИНА МАРТЕНСЪ.
Премированная красавица (на конкурсѣ въ Вѣнѣ).

Безъ промаха попадать въ самое *сердце*, конечно, легче всего премированной красавицѣ.

КРОКИ.

Догадливый.

Начальникъ (строго). — Иванъ Семеновичъ, если вы будете такъ продолжать манкировать службой, то намъ придется разстаться съ вами.

Подчиненный.—Какъ, ваше—ство? развѣ вы уходите?

Нетребовательный.

Начальникъ.—Вы просите это мѣсто? Но при немъ и казенная квартира съ дровами.

Подчиненный.—Точно такъ, ваше—ство.

Начальникъ.—Нѣтъ, я не могу вамъ этого мѣста дать.

Подчиненный.—Да вы, ваше—ство, мѣсто-то отдайте другому, а мнѣ только хоть квартирку съ дровами.

На экзаменѣ.

Учитель.—Скажите, въ чьемъ вкусѣ Грибоѣдовъ въ „Горѣ отъ ума" вывелъ типъ Лизы?

Гимназистъ.—Во вкусѣ Фамусова.

КАКЪ КТО ЛЮБИТЪ.

Кухарка—горячо.
Кондитеръ—сладко.
Чиновникъ—офиціально.
Гимназистъ—классически и платонически.
Докторъ—смертельно.
Пожарный—пламенно.
Адвокатъ—краснорѣчиво.
Купецъ—разсчетливо.
Рыбакъ—хладнокровно.
Банщикъ—жарко.
Сумасшедшій—безумно.
Разбойникъ—убійственно.
Офицеръ—побѣдоносно.
Дантистъ—безжалостно.
Аэронавтъ—воздушно.
Фотографъ—натурально.
Часовщикъ—минутно, а
Дуракъ—крѣпко и постоянно.

Вѣрно: Ит—нецъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

Пекинъ.—Въ провинціи Чи-Чунъ-Ча вспыхнуло возстаніе. Бунтари ворвались къ губернатору Чу-Че-Ло. У губернатора душа ушла въ пятки. Бунтари долго выколачивали бамбуками губернаторскую душу изъ пятокъ, пока она не вернулась на прежнее мѣсто. Послѣ этого, отрѣзавъ у губернатора косу и прицѣпивъ вмѣсто нея коровій хвостъ, бунтари удалились.

Софія.—Теперь только вполнѣ выяснились обстоятельства, при которыхъ состоялось сверженіе Стамбулова съ премьерскаго стула: принцъ Фердинандъ дѣйствовалъ, упершись въ Стамбулова спиной, а руками и ногами въ стѣну, принцесса же Клементина и принцесса Марія помогали ему, ухватившись за стамбуловскія ноги.

Буда-Пештъ.—Газета „Vaterland" предложила переименовать Буда-Пештъ въ Іуда-Пештъ.

Узнавъ объ отставкѣ Векерле, фальсифицированные венгерцы посыпали головы рубленнымъ чеснокомъ и разодрали свои венгерки по шву.

Софія.—Султанъ пожаловалъ огорченному Стамбулову одалиску на шею.

Бѣлградъ.—Миланъ погрузился въ глубокій трансъ, во время котораго онъ велъ таинственную политическую бесѣду со своими пріятельницами изъ парижскаго демимонда (общеніе родственныхъ душъ на разстояніи).

ВОПРОСЪ.

— Иванъ Борисовичъ, обращается къ трактирщику буфетчикъ,—тамъ одинъ господинъ пришли... Изъ репортеровъ, сказываютъ...

— Отпусти по положенію, слѣдуетъ отрывистый отвѣтъ.

— Да трешницы имъ, какъ будто, маловато. Удостовѣреніе отъ редакціи показываютъ, что седьмой годъ сотрудничаютъ... Заслуженные будутъ... Не прикажете ли прибавить?

Дзэтъ.

ЗАПУГАЛЪ.

— Ахъ, Соня, вообрази, какая жалость! Мнѣ въ этомъ году не придется ѣхать на воды.

— Но отчего же?

— Мужъ не пускаетъ.

— Но ты бы пустила въ ходъ обыкновенное наше оружіе: обмороки, истерики, серьезную болѣзнь, наконецъ.

— Не вѣритъ и только сыплетъ угрозами: коли ты больна, говоритъ, такъ я къ тебѣ доктора Піотровича приглашу; мало этого будетъ,—такъ я еще Эбермана на консиліумъ позову. Какъ послѣ этого притворяться?.. Совсѣмъ меня запугалъ.

—ъ.

ВЪ ПТИЧЬЕМЪ ЦАРСТВѢ.

Рады маю птички;
Тишь среди полей;
На манеръ Велички
Свищетъ соловей.

Сердцемъ нѣгу чуя,
Горлинка полна
Радости, воркуя,
Словно Чюмина.

Свѣтлый май всесиленъ,
Рѣзвымъ пташкамъ любъ,
Только старый филинъ
Хмуръ, какъ Соллогубъ.

И понять не хочетъ,
Злобою объятъ,
Что вокругъ стрекочетъ
Дроздъ, какъ адвокатъ.

Юнк. Тесаковъ.

МЕЛОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Довольна ты своимъ покровителемъ, Мари?

— Фи... Это страшно мелочный человѣкъ... Отъ него мнѣ попадаетъ такая мелочь, что даже на булавки не хватаетъ...

Можъ.

НЕ-ДѢЛЬНЫЕ НАБРОСКИ.

Только что окончился интересный третейскій судъ по дѣлу П. Яблонскаго и А. Суворина.

Интеллигенты прекрасно дѣлаютъ, что не утруждаютъ своими дрязгами ни мировыхъ, ни окружныхъ судовъ, и соглашаются предстать передъ завязанными очами Ѳемиды лишь тогда—когда жандармы, не спрашивая, довольно небрежно волокутъ ихъ на скамью подсудимыхъ.

Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за какой-то справочной книжки.

Третейскій судъ, для большей прочности, состоялъ изъ пяти человѣкъ.

А. Суворинъ, въ припадкѣ гражданскаго мужества, пригласилъ въ судьи даже К. Градовскаго изъ „Новостей".

Судъ „пяти" нашелъ, что планы въ книгѣ Суворина перепечатаны фотографическимъ путемъ съ книги Яблонскаго, но что и самъ Яблонскій перепечаталъ ихъ такимъ же путемъ съ книги Тринклера—и, въ результатѣ, присудилъ А. Суворина уплатить П. Яблонскому семь тысячъ пятьсотъ рублей.

Такова сила авторской собственности!

Почему только присуждены не всѣ пятнадцать тысячъ самому Тринклеру, по семи тысячъ пятисотъ рублей съ каждаго контрафактора?

* * *

Г-нъ Тумпаковъ, хозяинъ увеселительнаго заведенія на Фонтанкѣ, въ которомъ до сего времени „увеселенія" производились самой публикой, въ буфетѣ, съ нынѣшняго сезона заставляетъ о себѣ говорить какъ объ антрепренерѣ, сумѣвшемъ поймать счастье за хвостъ.

Негръ Ранни, „человѣкъ съ каменной головой", привлекъ не малое количество мѣдяковъ въ кассу „Измайловскаго" сада.

Въ настоящее время, уже не мѣдныя, а золотыя горы ожидаются отъ новой балерины, танцующей на рукахъ и дѣлающей прыжки въ сажень, съ одного стула на другой.

Встрѣтили въ саду одного „артиста", летавшаго прошлое лѣто на трапеціяхъ. Ходитъ не весело.

— Что такъ задумчивы? Что такъ печальны? спѣли ему по-цыгански.

— Видите, это я попатуживаюсь, отъ непривычки думать. Изобрѣсть хочу что-нибудь необыкновенное.

— Въ какомъ родѣ?

— А вотъ этого-то я и не знаю... Повѣрите, голова трещитъ хуже, чѣмъ у Ранни.

— Не хотите ли гвозди глотать?

Замоталъ головой.

— Можетъ быть, вамъ понравится при публикѣ съѣсть фунта два бенгальскаго огня, и затѣмъ, запустивъ фитиль въ нутро, поджечь и выпускать изо рта фейерверкъ?

„Артистъ" кисло улыбнулся и что-то замычалъ подъ носъ.

— Змѣй живьемъ ѣсть тоже очень оригинально... Они этакъ извиваются, а вы зубами рвете на части... Дикаго папуаса можно изображать.

У „артиста" глаза заблистали.

— Да, да, живыхъ змѣй... Это, дѣйствительно... будетъ преоригинально!.. На вкусъ, вѣроятно, въ родѣ угря!.. Мерси... Еще разъ благодарю, бѣгу въ „Зоологическій" садъ справиться, непродадутъ ли нѣсколько штукъ на пробу.

Что подѣлаешь, не легко увеселять публику!

* * *

Дичь—или не дичь?

Какіе-то Жирбо и Трилья отправили партію дичи изъ Петербурга въ Москву.

Дичь въ Москвѣ конфискована въ силу новаго закона, запрещающаго перевозку битой дичи по желѣзнымъ дорогамъ, въ не указанное время для охоты.

Вотъ теперь начинается самая настоящая дичь.

Дичь, вмѣсто того чтобы мирно перевариваться въ чревахъ москвичей, ѣдетъ обратно въ Петербургъ.

Конечно, все это продѣлывается для того, чтобы ее, какъ говорится казеннымъ языкомъ: „превратить въ первобытное состояніе" и отпустить порхать по полямъ и лѣсамъ.

Но таковое милостивое желаніе было неожиданно разочаровано владѣльцами, увѣрившими начальство, что перепела не перепела, а цыплята.

И цыплята (псевдонимъ) были выданы владѣльцамъ, такъ какъ цыплятъ можно ѣсть во всякое время.

* * *

На Невѣ, около Панаевскаго театра остановилось старое китобойное судно, устроившее у себя арктическую выставку.

Отъ носа до кормы расположился въ довольно комфортабельной позѣ консервированный китъ.

— Неужели, Оленька, тебѣ не стыдно ѣздить въ такомъ костюмѣ?
— Вотъ чудачка, да я для него и велосипедъ купила!

— Чего же вы молчите? Я нарочно завезла васъ въ эту глушь, чтобы вызвать наконецъ на объясненіе.. понимаете!
— Я... я единственный наслѣдникъ своего отца, но онъ настолько еще здоровъ, что самъ не прочь отъ амурныхъ исторій.
— Чортъ возьми, тогда познакомьте меня съ нимъ.
— Вотъ новыя шляпы «à la diable m'emporte!» А у меня такой нѣтъ, и не на что купить... Безвыходное положеніе! Гдѣ же выходъ?.. Единственный *выходъ*—это *выходъ* замужъ.
— Говорятъ, можно любить мужа. Пустяки! Рѣшительно у меня нѣтъ ничего общаго съ Федоромъ Ивановичемъ, даже сны разные: мнѣ, напримѣръ, снится Сержъ, Поль, Коко, Петя,—а ему ботвинья и караси въ сметанѣ.
— Что можетъ быть лучше любви?
— Еще бы: безъ нея кто бы платилъ за наши квартиры, за лошадей, туалетъ и такъ далѣе!..
— Вы ѣдете нынче на воды, Евдокія Антоновна?
— Нѣтъ... Представьте, не ѣду!
— Неужели?.. Вы, стало-быть, серьезно больны?

УДИВИТЕЛЬНО.

Братъ.—Это еще что за новости?.. Свиданія въ паркѣ... поцѣлуи... Какое имѣетъ право цѣловать тебя Алексѣй Кондратьевичъ?!. А?.. Что, онъ женихъ тебѣ?!.. Улизнулъ!.. Но я его догоню и объяснюсь съ нимъ...

Сестра.—Но, Ваня, право, мы не виноваты!.. Какъ-то такъ всегда выходитъ, что Алексѣй Кондратьевичъ постоянно находится вблизи, когда хочется поцѣловаться...

Ф.

ВЕЛОСИПЕДИСТЫ.

О, радость! не миѳъ—ты,
И грезы встаютъ:
По улицамъ „Свифты“
Повсюду снуютъ.

Восторгомъ объятый
И бравый на видъ,
Спортсмэнъ бородатый
Ногами стучитъ.

И носится дико
Онъ въ полную рысь...
Прохожій, сверни-ка,
Не то—берегись!

Смѣнилась забота
На счастья часы...
Лишь воютъ съ чего-то
Столичные псы.

Кудрявый сатирикъ.

СОВѢТЪ.

Къ банкиру, на улицѣ, залѣзъ въ карманъ воришка. Банкиръ схватилъ его за руку и съ чувствомъ сказалъ:

— Ну, много ли ты можешь заработать такимъ путемъ? Гораздо лучше было бы тебѣ открыть банкирскую контору!..

Ал.

ДОКАЗАЛЪ.

Въ сумасшедшій домъ привезли новаго паціента. При освидѣтельствованіи онъ говоритъ доктору:

— Докторъ, я знаю, что къ вамъ сюда привозятъ иногда ошибкой. Привезенные ошибкой, желая доказать, что они не сумасшедшіе, начинаютъ волноваться, горячиться, шумѣть, чѣмъ и доказываютъ совершенно противное... Я не волнуюсь, не кричу, я знаю, что мнѣ стоитъ только съ вами поговорить, какъ вы сразу узнаете съ кѣмъ имѣете дѣло. Я вамъ скажу по секрету... Только вы, пожалуйста, никому не говорите!..—я лошадь второго общества конно-желѣзныхъ дорогъ.

Симоне Харроне.

НА РѢЧКѢ.

Сижу молчаливо
Надъ сонной рѣкой,
Баварское пиво,
Конечно, со мной...

Румяной зарею
Покрылся закатъ,
За синей рѣкою
Телята мычатъ,

И тучки игриво
Несутся къ лунѣ...
Баварское пиво
Играетъ во мнѣ.

И снятся мнѣ ручки,
Объятья любви
И разныя штучки,
И глазки твои...

Съ тобой, мой чертенокъ,
Я встрѣчи хочу
И самъ, какъ теленокъ,
Уныло мычу!..

Мрачный Штурманъ.

НЕ ЧАСТО.

— Здравствуй, Аннушка!

— Здравствуй, Пелагея Матвѣевна!

— Откуда тебя несетъ?

— Изъ воспитательнаго иду, ягодка: ребенка своего туда отнесла.

— Опять?!. Охъ, дѣвушка, что-то ужъ больно часто ты въ эфтотъ домъ заглядывать стала!..

— Ну, гдѣ же, милая, часто: всего только по разу въ годъ!..

Базиль.

ОСТОРОЖНОСТЬ.

— Слушай, женушка, ты устрой какъ-нибудь, чтобы не ставить подсвѣчниковъ сегодня на карточный столъ... Развѣ подъ висячую лампу столъ поставить?

— Это зачѣмъ?

— Сегодня играетъ Петръ Ивановичъ, а онъ всегда горячится во время винта.

Сомъ.

НЕМНОЖКО ФИЛОСОФІИ.

— Ну, вставай, Сергѣй, чего разлегся-то на панели!.. Не хорошо вѣдь... Въ участокъ забрать могутъ...

— Ахъ, Саша, не осуждай, другъ мой!.. Всѣ тамъ будемъ, въ участкѣ въ этомъ!..

Василискъ.

ЕЩЕ О «СКАРПОЛОГІИ».

— Почему вы думаете, что по изношенной обуви далеко не всегда можно опредѣлить характеръ человѣка?

— Потому, что многіе ходятъ вовсе *безъ сапоговъ*.

—

— Ты не знаешь, кто изобрѣлъ эту науку о скарпологіи?

— Я полагаю, какой-нибудь мужъ, долго находившійся *подъ башмакомъ* и потому имѣвшій возможность *изучить подошву*...

Альцестъ.

Осмотръ кита стоитъ пятьдесятъ копѣекъ. Публики не много, кое-гдѣ торчатъ „сапоги бутылками“ со своими супружницами.

Слышны разговоры.

— Мать, гляди-кось, китища-то какой... смотри не подвертывайся, проглотитъ!

— Да не пужайте же меня, Панфилъ Терентьичъ, нешто не знаете, въ какомъ я положеніи, а лучше толкомъ втолкуйте.

— Эхъ, баба и есть баба... ишь, какія бренди развела, конфузъ одинъ!

— Дозвольте опросить, вы грамотные?

— Это точно!

— Что эта публикація обозначаетъ? парень тычетъ на вывѣшенное объявленіе.

Картузъ читаетъ: „Китъ консервированъ мышьякомъ, а потому покорнѣйше просятъ руками его не трогать“... Поняли?

— Понялъ-съ... А только какъ же возможно руками не трогать... Удивительно!

— Караулъ!.. Портмонэ стащили!.. визжитъ какая-то купчиха.—Зовите полицію!..

— А вотъ, братцы, антересно, какой полиціи купчихѣ теперь жалиться: рѣчной, али городской!..

***

2-е общество конно-желѣзныхъ дорогъ воюетъ съ полиціей на пяти-рублевкахъ.

За впускъ въ вагонъ, вмѣщающій 22 человѣка, до полусотни несчастныхъ дачныхъ мужей, спѣшащихъ изъ „Монплезировъ“ и „Аркадій“ домой въ объятія своихъ супругъ, полиція совершенно справедливо штрафуетъ кондукторовъ пятирублевками, зная отлично, что никакой штрафъ для „Общества“ не страшенъ; тогда Общество, по распоряженію котораго переполняются пассажирскіе вагоны, сейчасъ же, конфиденціально, возвращаетъ кондукторамъ таковые штрафы съ преміей „за усердіе“.

Такъ воюетъ порядокъ съ наживой.

Долго ли только хватитъ терпѣнія у „порядка“, и не оштрафуетъ ли, наконецъ, онъ „наживу“ прилично ея карману.

***

Надъ коломяжскими садками носятся душу раздирающія взвизгиванія и лай собакъ, рвущихъ разное звѣрье.

Великолѣпныя своры собакъ несутся по коломяжскому полю за улепетывающимъ косымъ, или матерымъ волкомъ.

Трахъ!.. Нагнали!.. Клочки шерсти летаютъ по воздуху... Публика рукоплещетъ... Судья англичанинъ, спеціально выписанный изъ Англіи за 1.500 рублей, возвѣщаетъ маханіемъ платка безапелляціонное рѣшеніе.

— Крррови, Яго... Крррови!!!..

Современный обыватель, дома у себя, содрогается надъ кровавымъ бифштексомъ, а на коломяжскихъ садкахъ рукоплещетъ цѣлому морю крови!..

Есть много на свѣтѣ страннаго, другъ Горацiо!..

„Макао“ болѣе не существуетъ.

„Макао“, „Chemin de fer“, „Викторія“ и „Баккара“ отошли въ область преданій.

— Еще вчера... понимаете, вчера я проигралъ шестьсотъ рублей, а сегодня прихожу въ клубъ—и аннонсъ... Этотъ ужасный аннонсъ, какъ обухомъ, щелкнулъ меня по затылку!

— Но, позвольте, о чемъ же вы сожалѣете,—вѣдь вы бы и сегодня проиграли, можетъ быть, тоже шестьсотъ?

— Ахъ, нѣтъ, сегодня я навѣрное бы выигралъ!..

— То-есть, почему же это навѣрное?

— Примѣта такая вѣрная есть...

— Ну, ужъ позвольте вамъ не повѣрить; вѣдь раньше вы съ вашими примѣтами проигрывали?

— Глупъ былъ, увлекался, выдержки не было... Чувствуешь, бывало, что проиграешь—и игралъ!

— Ну, а теперь?

— А теперь я все равно бы выигралъ... Вотъ глядите!

Игрокъ вытаскиваетъ какой-то клочекъ.

— Это еще что?

— Веревка отъ повѣшеннаго, а вотъ еще сушеная куриная лапа! Ха, ха!.. Теперь я совершенно гарантированъ отъ проигрыша!

Спасибо, великое спасибо власть имущимъ.

С. Эръ.

УТѢШЕНІЕ.

— Ну, что, Гаврилычъ все еще пьетъ?
— Окончательно достукался: вчера уже два бѣлыхъ слона показывались.
— Ну, это, милый, еще ничего: я, бываетъ, по десяти штукъ этакихъ слоновъ созерцаю!..

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

(Картинка съ натуры).

Майскій вечеръ... Въ воздухѣ отдѣльнаго кабинета въ „Аркадіи" пахнетъ шампанскимъ и ананасомъ...

Въ кабинетѣ двое: Анна Степановна Вздохова, жена статскаго совѣтника, въ грошъ не ставящая совѣтовъ своего мужа, и Владиміръ Георгіевичъ Плетаевъ изъ породы „Невскихъ оценковъ".

Ужинъ оконченъ.

Анна Степановна поправляетъ прическу, надѣваетъ шляпу... натягиваетъ перчатки.

— Ахъ... да... я забыла тебѣ сказать, Вольдемаръ, произноситъ она,—здѣсь я сегодня въ послѣдній разъ... Больше обманывать мужа я не буду.

Плетаевъ блѣднѣетъ... Онъ не ожидалъ этого... Его счастье, этотъ, надѣтый на немъ, щегольской костюмъ, сотенная бумажка въ карманѣ—результатъ ихъ свиданій—должны стать миѳомъ... Въ наше время трудно, очень трудно найти „выгодную партію".

Онъ разражается упреками: разбитая любовь, одиночество, полное тоски и терзаній, и сырая холодная могила... Это ужасно!!.

Вздохова терпѣливо слушаетъ его и, наконецъ, разражается хохотомъ...

— Дурачекъ, успокойся... Мы здѣсь въ послѣдній разъ потому... потому что—мужъ уѣзжаетъ на три мѣсяца въ командировку и мы можемъ уже видѣться смѣло у меня на дачѣ!..

Кимвалъ.

«ОДНОКАШНИКЪ».

Время близилось къ семи часамъ вечера. Коегдѣ въ открытыя окна дачъ уже слышались обычные діалоги: „Вы, милсдарь, лапти плетете!" —„Но я думалъ..."—„Не тѣмъ мѣстомъ изволите думать" и т. д. Это доказывало, что коегдѣ дачники уже винтили.

Въ садикѣ, выходящемъ на главную улицу, среднихъ лѣтъ дама обрѣзала кустъ сирени. У деревянной рѣшетки остановился какой-то господинъ невзрачнаго вида въ котелкѣ и спросилъ:

— Будьте столь добры, скажите, сударыня,—кто живетъ на этой дачѣ?

— Петръ Ивановичъ Трофимовъ.

— Петръ Ивановичъ Трофимовъ! Однокашникъ мой! Ну, да, мнѣ такъ и сказали.

— Такъ вы знакомы съ нимъ?

— Еще бы! На одной скамьѣ сидѣли. Мы, можно сказать...

— Да что вы тамъ стоите,—войдите сюда. Мужъ долженъ скоро прійти.

— Мерси.

Субъектъ вошелъ въ садикъ.

— Такъ вы изволите быть его супругой? продолжалъ онъ.

— Да.

— Очень, очень пріятно. Позвольте со своей стороны представиться: Егудіилъ Сысоичъ Рюмочкинъ... Мы съ вашимъ супругомъ, можно сказать, душа въ душу жили; когда онъ еще не былъ женатъ.

— Т. е. какъ это?

— Что-съ?

— Вы сказали, что онъ тогда еще не былъ женатъ. Да развѣ воспитанники учебныхъ заведеній женятся?

— Я въ учебномъ заведеніи съ нимъ и не встрѣчался.

— Но вы сказали, что на одной скамьѣ сидѣли.

— Ну, да, на скамьѣ подсудимыхъ по дѣлу о подлогѣ.

Дачница казалась пораженной громомъ. Въ это время въ калитку входилъ ея мужъ. Она съ воплями бросилась къ нему на встрѣчу:

— Пьеръ! Пьеръ! Ты сдѣлалъ подлогъ и мнѣ ничего не сказалъ!

— Мамочка, что съ тобой?

— Ты сдѣлалъ подлогъ, ты судился, былъ въ тюрьмѣ, въ Сибири, на каторгѣ, на Сахалинѣ—и ты мнѣ ниче-е-го до-о свадьбы не-е сказалъ!..

Дачница залилась слезами.

Ошеломленный Петръ Ивановичъ изумленно переводилъ глаза съ жены на субъекта въ котелкѣ.

— Виноватъ! заюлилъ субъектъ.—Вы, вѣроятно, не тотъ Петръ Ивановичъ Трофимовъ, котораго я зналъ. Мнѣ сказали, что вотъ Петръ Ивановичъ Трофимовъ живетъ, ну и я... Виноватъ...

Субъектъ юркнулъ въ калитку. Дачникъ, молча, оскаливъ зубы, грозилъ ему вослѣдъ палкой.

Р. Э—да.

ВЫВЕРНУЛСЯ.

— Э-е.. те-те-те, молодой человѣкъ, погодите!.. Что это вы дѣлали? А? Цѣловались съ моею дочерью? А? Нѣтъ-съ, это даромъ вамъ не пройдетъ! Вы обязаны смыть позорное пятно съ чести моей дочери законнымъ бракомъ.

— Но, позвольте, я... я...

— Чего „я—я"?.. Тутъ нечего оправдываться!

— Да позвольте, я... я... Я не могу жениться на вашей дочери!

— Ого! Это почему?

— Да, во-первыхъ, я жениться вообще не намѣренъ, во-вторыхъ... э... э... во-вторыхъ, мнѣ жениться еще рано—всего только двадцать три года, а въ третьихъ... въ третьихъ... я уже женатъ!

С—мъ.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

— Что это за красивое зданіе?

— Это—новый пріютъ для слѣпыхъ!..

— Не можетъ быть!.. Если это домъ для слѣпыхъ, такъ зачѣмъ же въ немъ продѣлано столько оконъ?..

Ф.

За редактора издатель Р. Голике.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

XVI годъ. О ПОДПИСКѢ годъ XVI.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ карикатуръ,

„ШУТЪ"

НА 1894 ГОДЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ перес. и дост.:

На годъ	7 руб.
На 6 мѣсяцевъ	4 »
За границу	10 »

Разсрочка по соглашенію съ конторою.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ безъ перес. и дост.:

На годъ	6 р. 50 к.
На 6 мѣсяцевъ	3 » 50 к.

Адресъ редакціи: Спб. Спасская, 17.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ЖУРНАЛЪ «ШУТЪ» ПОМѢЩАЕТЪ:

Болѣе ТРЕХСОТЪ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографія).
Болѣе ТЫСЯЧИ карикатуръ—перомъ и карандашемъ.
Не менѣе СЕМИСОТЪ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста.
ТЫСЯЧИ стихотвореній, разсказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п.
КАРИКАТУРЫ-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ.
КАРИКАТУРЫ на художественныя выставки, скачки, маскарады, гонки и т. п.
ПОРТРЕТЫ выдающихся героевъ дня.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будетъ печататься:

„ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИЗВѢСТНЫХЪ ЛИЧНОСТЕЙ".

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ для годовыхъ подписчиковъ:

„ЦАРЕВИЧЪ МАЙ"

(СКАЗКА О ЛЮБВИ).

Текстъ Алёши Чудиловича.

10 ГЛАВЪ ВЪ СТИХАХЪ СЪ РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ.

За пересылку преміи приплаты не полагается.

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27 Мая 1894 г. Типо-Литографія Р. Голике, Спасская ул. 17.